

Published by arrangement with Canongate Books Ltd, 14 High Street, Edinburgh EH1 1TE and The Van Lear Agency LLC.

Copyright © 2010 by Matt Haig

* * *

Пятница

Не доверяйте инстинктам. Животные полагаются на инстинкты ради ежедневного выживания, но мы – не животные. Мы не львы, не акулы, не шакалы. Мы цивилизованные существа, а цивилизованность работает только при подавлении инстинктов. Так что сделайте свой вклад в развитие общества и игнорируйте темные желания внутри себя.

«Книга Трезвенника» (издание второе), с. 54

Садовая аллея, 17

Это тихое местечко, особенно по ночам.

Настолько тихое, что легко представить, как под сенью деревьев укрылись в своих жилищах разнообразные монстры.

Действительно, в три часа ночи здесь запросто можно поверить в ложь, которую поддерживают жители Бишопторпа, – будто бы в этой деревне хорошие и спокойные люди живут своей хорошей и спокойной жизнью.

Хотя в этот час здесь слышны только звуки природы. Ухают совы, вдалеке лают собаки, а в прохладные ночи вроде нынешней в кронах платанов что-то неразборчиво шепчет ветер. Даже если встать на главной улице, справа от паба или кулинарии «Обжора», вам все равно не удастся услышать шум транспорта или увидеть дерзкие граффити, украшающие собой бывшее отделение почты (но если присмотреться, можно разглядеть остатки слова «УРОД»).

Если же вы решите среди ночи прогуляться в сторону от главной улицы, ближе к Садовой аллее, мимо отдельно стоящих старинных домов, где живут адвокаты, врачи и разные менеджеры, то обнаружите, что свет в окнах не горит, а задернутые шторы отгораживают жильцов от ночной тьмы. И так – везде, кроме дома № 17, где из верхнего окошка сочится сквозь занавески слабый свет.

И если остановиться, вдохнуть прохладный и благодатный ночной воздух, то можно сразу заметить, что дом № 17 в целом соответствует

общему облику улицы. Может, он не так величественен, как ближайший к нему № 19 – с широкой подъездной дорожкой, элегантный, выстроенный в стиле Регентства, – но все же он не выбивается из общей картины.

Этот дом выглядит именно так, как и должен выглядеть семейный провинциальный особнячок – не огромный, но достаточно просторный, без неуместных или излишне вычурных элементов. Во многих смыслах это настоящий дом мечты, как могли бы сказать агенты по продаже недвижимости, и он идеально подходит для того, чтобы растить в нем детей.

Но уже через мгновение вы догадаетесь, что с ним что-то не так. Хотя «догадаетесь» – это слишком сильно сказано. Скорее всего, вы даже не осознаете, что даже природа вокруг этого здания замерла, не слышно ни пения птиц, ни других шумов. И скорее подсознательно, инстинктивно вы с удивлением присмотритесь к свету в окне, ощутив холод, который исходит явно не от ночного воздуха.

Дайте этому чувству проявиться в полной мере – и оно превратится в страх, заставляющий вас покинуть это место, ретироваться; но вы, скорее всего, этого не сделаете. Вы так и будете рассматривать симпатичный дом и припаркованный рядом с ним в меру дорогой автомобиль, думая, что перед вами – обычная собственность совершенно обычных людей, не представляющих никакой угрозы для внешнего мира.

Допустите эту мысль – и вы ошибетесь. Дом № 17 по Садовой алее – это дом семьи Рэдли, которую, несмотря на все их старания, нормальной назвать никак нельзя.

Запасная спальня

«Надо поспать», – тщетно уговаривает он себя.

Роуэн, старший из детей Рэдли, включил свет в три часа ночи в пятницу. Он не спит, несмотря на то что принял шестикратную дозу «Ночной няни».

В это время он вообще никогда не спит. Если повезет, то он снова отключится часам к четырем, а проснется в шесть или чуть позже. Два часа мучительного, беспокойного сна, полного изматывающих и не поддающихся интерпретации кошмаров, заставляют его складывать

свое долговязое тело во все менее и менее удобные для сна позы. Сегодняшняя ночь как раз не задалась: он весь покрылся сыпью, из окна дует, и в школу он наверняка отправится совершенно разбитым.

Он откладывает книгу, сборник стихотворений Байрона. Слышит, как кто-то шагает по лестнице – но не в туалет, а в запасную спальню.

До него доносятся шорохи, возня, потом несколько мгновений тишины – и она выходит из комнаты. Ничего необычного не происходит. Он часто слышит, как его мать встает среди ночи и уходит в запасную спальню с какой-то тайной целью, о которой он никогда не спрашивал.

Судя по звуку, она возвращается в постель. Родители тихо и неразборчиво переговариваются за стеной.

Сон

Хелен забирается обратно в кровать, напряженная от переполняющих ее секретов. Ее супруг тоскливо вздыхает и прижимается к ней.

– Ты чего?

– Поцеловать тебя пытаюсь, – отвечает он.

– Питер, я тебя умоляю, – говорит она, закрывая глаза от головной боли. – Среди ночи!

– А в другое время суток ты не против, чтобы муж тебя поцеловал.

– Я думала, ты спишь.

– Спал. И видел сон. Такой волнительный. Даже ностальгический.

– Питер, мы детей разбудим, – отвечает она, хотя прекрасно знает, что у Роузны еще горит свет.

– Да брось. Я просто хотел тебя поцеловать. Такой сон хороший.

– Нет. Неправда. Ты не только поцеловать хотел. Тебе надо...

– И что, ты беспокоишься за чистоту постели?

– Я просто хочу спать.

– Так зачем же ты вставала?

– В туалет, – она так привыкла к этой отговорке, что лгала, уже не задумываясь.

– Мочевой пузырь сдает?

– Спокойной ночи.

– Помнишь того библиотекаря, которого мы привели домой?

Она слышит улыбку в его вопросе.

– Боже, Питер. Это было в Лондоне. Давай не будем вспоминать Лондон.

– Но неужели в такие ночи, как сегодня, тебе не...

– Нет. Это было целую жизнь назад. Я не вспоминаю.

Внезапный приступ боли

Утром, едва проснувшись, Хелен садится на кровати и пьет воду. Она открывает упаковку ибупрофена и кладет на язык таблетку – аккуратно, словно облатку на причастии.

Она глотает, и, в ту же секунду как таблетка проваливается в горло, ее муж – он находится всего в паре метров от нее, в ванной комнате, – чувствует внезапный приступ боли.

Порезался бритвой.

Он видит, как на его влажной, покрытой пеной для бритья коже проступает кровь.

Так красиво. Такой густой красный цвет. Он стирает его, разглядывает алое пятно на пальце, и его сердце бьется быстрее. Он ближе и ближе подносит палец к губам, но не успевает облизнуть – его прерывает внезапный шум. К ванной приближаются поспешные шаги, кто-то дергает ручку двери.

– Папа, пожалуйста,пусти... скорее, – его дочь Клара барабанит в толстую деревянную дверь.

Он повинуется, Клара вихрем влетает в ванную и склоняется над унитазом.

– Клара, – говорит он дочери, в то время пока ее тошнит. – Клара, что такое?

Она откидывается назад, обратив к нему бледное, особенно на фоне школьной формы, лицо. За очками виден взгляд, полный отчаяния.

– Господи, – говорит она и снова склоняется над унитазом.

Ее опять рвет. Питер чувствует запах, видит цвет. Он вздрагивает – но не из-за самой рвоты, а из-за того, что она означает.

Через несколько секунд сбегается вся семья. Хелен приседает рядом с дочерью, гладит ее по спине, успокаивает. Их сын Роуэн

появляется в дверях, не успев размазать по лицу солнцезащитный крем с SPF 60, отчего его темная челка прилипает ко лбу.

– Что с ней? – спрашивает он.

– Все нормально, – отвечает Клара, чтобы от нее поскорее отвязались. – Честно, все хорошо. Отпустило.

Последняя реплика повисает в воздухе, наполняя комнату тошнотворным душком лжи.

Действо

Клара старательно собирается в школу, делая все, что должны делать обычные нормальные дети, только вот в желудке у нее полное безобразие.

Дело в том, что в прошлую субботу Клара решила повысить свой уровень от вегетарианки до стопроцентной веганки в попытке заставить животных полюбить ее хоть немножко больше.

Например, те же утки, которые отказываются есть ее хлеб, или коты, которые не дают ей себя погладить, или лошади, которые пасутся в полях за дорогой на Тирск и каждый раз чуть ли не бесятся, когда она проходит мимо. Она даже не смогла нормально насладиться поездкой с классом в питомник фламинго, потому что едва она приближалась к озеру, как все фламинго в панике разлетались. Что уж говорить о ее золотых рыбках, Ретте и Скарлетт, чей век оказался совсем уж короток. Это были единственные питомцы, которых ей неосмотрительно позволили завести; она прекрасно помнит, как в первое же утро она с ужасом обнаружила их плавающими вверх животами, с бледной чешуей.

А теперь она достает из холодильника соевое молоко и чувствует на себе взгляд матери.

– Если бы ты попила нормального молока, тебе бы стало лучше. Значительно.

Клара гадает, что именно в формулировке «никакого мяса или продуктов животного происхождения» непонятно ее матери, но выдавливает из себя улыбку:

– Я в порядке. Не беспокойся, пожалуйста.

Они сидят все вместе в кухне – отец пьет свежий кофе, брат поглощает традиционное ассорти из мясной нарезки.

– Питер, объясни ей, что она себя гробит.

Питер выжидает. Слова жены сперва вливаются в темную алую реку его мыслей, а потом выплескиваются тяжелым вязким потоком на узкий берег отцовского долга.

– Мама права, – говорит он. – Ты себя гробишь.

Клара заливает омерзительным молоком орехово-зерновые мюсли, и ее с каждой секундой тошнит все сильнее. Она хочет попросить, чтобы выключили радио, но понимает, что так ее дурное самочувствие только сильнее будет бросаться в глаза.

Наконец на ее сторону встает Роуэн, пусть и в привычной саркастической манере:

– Это всего лишь соя, мама, – бубнит он с набитым ртом. – Не героин какой-нибудь.

– Но она должна есть мясо!

– У меня *все хорошо*.

– Слушай, – говорит Хелен. – Я думаю, тебе стоит остаться дома. Хочешь, я позвоню в школу?

Клара качает головой. Она обещала Еве, что придет сегодня на вечеринку к Джейми Саутерну. Так что если она хочет, чтобы ее отпустили, то придется и в школу идти. Кроме того, торчать дома и целый день слушать пропаганду мясоедения – сомнительное удовольствие.

– Честно, мне нормально. Меня уже не тошнит.

Мама и папа привычно обмениваются выразительными взглядами, значение которых остается для нее неясным.

Питер пожимает плечами. («Фишка папы в том, – сказал однажды Роуэн, – что если бы так было можно, ему было бы дважды насрать практически на все».)

Хелен сдается – как сдалась несколько дней назад, когда Клара заставила ее сунуть в тележку для покупок соевое молоко, пригрозив анорексией.

– Ладно, в школу отпущу, – наконец говорит мама. – Но пожалуйста, *осторожнее*.

Сорок шесть

Однажды наступает такой возраст – это может быть и пятнадцать лет, и сорок шесть – когда ты вдруг осознаешь, что привычные модели поведения не работают. Именно это сейчас происходит с Питером Рэдли, который жует кусок зернового тоста с маслом и таращится на прозрачную пластиковую коробку с остатками ветчины.

Законопослушный и рационально мыслящий взрослый, у которого есть машина, жена, дети и регулярные пожертвования в благотворительные фонды.

Прошлой ночью ему всего лишь хотелось секса. Простого, безобидного, человеческого секса. Что такое вообще этот секс? Ерунда. Объятия в движении. Бескровные шевеления плоти. Ну ладно, ладно – возможно, он хотел, чтобы секс привел к чему-то еще, но он бы сдержался. Он *уже* семнадцать лет сдерживается.

Ай, на хрен, думает он.

Как приятно выругаться, пусть и мысленно. Он читал как-то в Британском медицинском журнале, что есть доказательства, будто сквернословие облегчает боль.

– На хрен, – бормочет он тихо, чтобы не услышала Хелен. – На хрен, на хрен.

Реализм

– Я беспокоюсь за Клару, – говорит Хелен, подавая Питеру ланч-бокс. – Она всего неделю веганствует, а уже болеет. Вдруг это приведет к последствиям?

Он едва ее слышит. Смотрит вниз, вглядываясь в темный хаос своего портфеля.

– Сколько же тут всякого дерьма скопилось.

– Питер, я боюсь за Клару.

Питер выбрасывает в мусорку две ручки.

– И я за нее боюсь. Я очень за нее боюсь.

– Но ты же не ждешь от меня никаких предложений, правда?

Хелен качает головой.

– Только не начинай. Питер, не сейчас. Дело серьезное. Я очень надеюсь, что мы будем вести себя как взрослые люди. И мне

интересно, что ты можешь предложить.

Он вздыхает:

– Я думаю, надо сказать ей правду.

– Что?

Он делает глоток спертого кухонного воздуха.

– Мне кажется, пора все рассказать детям.

– Питер, мы должны думать о безопасности. И об их личной, и вообще. Будь реалистом, пожалуйста.

Он защелкивает застежку портфеля.

– О, ну да, реализм. Не наша тема, не так ли?

Он бросает взгляд на календарь. Балерина Дега, даты, обведенные рукой Хелен. Напоминалки о собраниях книжного клуба, спектаклях, бадминтоне, уроках живописи. Бесконечный список задач. На сегодня тоже есть: *Фелты – ужин – закуски от Лорны*.

Питер представляет, как их симпатичная соседка сидит за столом напротив.

– Слушай, извини, – говорит он. – Что-то я разбухтелся. Железо упало, видимо. Я просто уже по горло сыт этим враньем, понимаешь?

Хелен кивает. Она понимает.

Питер смотрит на часы и встает из-за стола.

– Сегодня день выноса мусора, – говорит она. – Нужно вынести все ненужное.

Утилизация. Питер вздыхает и берет пакет с пустыми банками и бутылками. *Пустые сосуды, которые ждут перерождения*.

– Я просто боюсь, что чем дольше она отказывается от всего, чем должна питаться, тем выше вероятность, что в ней проснется острая...

– Да знаю я, знаю. Мы что-нибудь придумаем. Мне правда надо бежать. Опаздываю уже.

Питер открывает дверь, и они видят зловещее синее небо, с которого льется предостерегающий свет.

– У нас ибупрофен заканчивается?

– Кажется, да.

– Куплю на обратном пути. Голова раскалывается.

– У меня тоже.

Он целует ее в щеку и с нежностью гладит по руке – будто невзначай напоминая, какими они были когда-то, – а потом уходит.

Гордись тем, что ведешь себя как нормальный человек. Соблюдай режим дня, найди работу, окружай себя людьми, твердо знающими, что такое хорошо и что такое плохо.

«Книга Трезвенника» (издание второе), с. 89

«Мир фантазий»

На карте Бишопторп похож на скелет рыбы. Главная улица – как хребет, от которого в никуда тянутся улочки поменьше и тупики. Глухомань, из которой молодежь мечтает вырваться.

По меркам деревень он относительно большой, и на главной улице довольно много магазинов.

При свете дня они выглядят как разномастное скопление заведений, никак не связанных друг с другом. Например, кулинарная лавка изысканных деликатесов соседствует с магазином одежды «Мир фантазий», который можно было бы принять за секс-шоп, если бы не наряды в витрине (в задней части которого действительно есть отдельный торговый зал с «новейшими игрушками для взрослых»).

На самом деле деревня не справляется с самообеспечением. Почтовое отделение закрылось, а паб и рыбная лавка на грани выживания. Рядом с клиникой работает аптека, есть магазин детской обуви, но он рассчитан в основном на покупателей из Йорка или Тирска. И все.

Роуэну и Кларе это место кажется каким-то полустанком, полунаселенным пунктом, зависящим от автобусов, интернета и прочих путей отступления. Эдаким местом, которое как будто бы воплощает собой аутентичный колорит английской деревни, но на самом деле является просто одним огромным магазином одежды, только с более специфическими нарядами.

И если прожить здесь достаточно долго, придется однажды сделать выбор. Либо ты покупаешь костюм и притворяешься, что он тебе нравится, либо принимаешь правду о своем истинном облике.

SPF 60

На дневном свету Роуэн с ужасом замечает, насколько бледна его сестра.

– Как думаешь, что это? – спрашивает Роуэн, когда они проходят мимо засиженных мухами мусорных баков. – Я имею в виду твое состояние.

– Не знаю... – ее голос затихает, как и голоса птиц, которые будто почувствовали их приближение.

– Может, мама права, – говорит он.

Она делает паузу, будто собираясь с силами.

– Ну конечно, что еще мог сказать человек, который несколько раз в день ест мясо.

– Ну, пока ты не начала изображать из себя Ганди, скажу тебе, что подлинное веганство невозможно в принципе. Ты хоть понимаешь, сколько живых существ живет на каждой картофелине? Миллион! Каждый овощ – это мегаполис микробов, так что пока ты варишь картошку, то уничтожаешь целые города. Вдумайся. Тарелка супа – рукотворный апокалипсис.

– Это совсем... – она снова замолкает.

Роуэну стыдно. В конце концов, сестра – единственный друг, который у него есть. И только с ней он может быть самим собой.

– Клара, ты какая-то совсем белая, – мягко говорит он. – Даже по нашим меркам.

– Я просто хочу, чтобы уже все перестали это обсуждать, – говорит она, перебирая в уме факты, вычитанные на веганском форуме. Например, что некоторые веганы доживают до восьмидесяти девяти лет и при этом не болеют раком, и что некоторые голливудские звезды пышут здоровьем, вроде Алисии Сильверстоун, Лив Тайлер или слегка сонной, но все равно сияющей Зоуи Дешанель, потому что даже близко не подносят ко рту или к коже никаких животных продуктов. Но объяснять все это сейчас у нее нет сил, так что она молчит. – Меня из-за погоды мутит, – добавляет она, когда ей становится немного легче после очередного приступа тошноты.

На дворе май, лето наступает рано, так что, возможно, она права и дело в погоде. Роуэну самому дурно.

На ярком свете он чувствует себя таким нежным, словно его кожа сделана из марли, несмотря на крем с SPF 60 и все слои одежды.

Роуэн замечает, что в глазах сестры блестят слезы – может быть, от яркого солнца, а может, от отчаяния, поэтому он решает держать свои антивеганские мысли при себе.

– Возможно, – отвечает он. – Ну ничего. Честно, все наладится. Думаю, в одежде из конопли ты будешь неплохо смотреться. Как Натали Портман.

– Смешно, – откликается она.

Они проходят мимо закрытого почтового отделения, и Роуэн мрачно отмечает, что граффити по-прежнему на месте.

РОУЭН РЭДЛИ – УРОД.

Следующее за почтой здание – «Мир фантазий». Пиратов в витринах заменили манекены в кислотных мини в стиле диско под плакатом «И восходит солнце».

Возле «Обжоры» уныние отступает: Роуэн через окно видит еще темное помещение, в котором умиротворяюще сияет витрина холодильника. Там обычно покоятся хамон и прошутто – в ожидании, когда их съедят. Но слабый запах чеснока заставляет его отвернуться.

– Ты все еще собираешься на вечеринку? – спрашивает Роуэн сестру, потирая слезящиеся глаза.

Клара пожимает плечами:

– Не знаю. Ева меня вроде как ждет. Посмотрю по самочувствию.

– Да, конечно. Иди, только если ты...

Роуэн замечает идущего впереди парня. Это Тоби Фелт, их сосед; он направляется к автобусной остановке. Из его рюкзака торчит теннисная ракетка, как стрелка в знаке, обозначающем мужской пол.

Тоби – худой, похожий на хорька – однажды, почти год назад, помочился Роуэну прямо на ногу, когда тот слишком долго стоял у писсуара, пытаясь отлить.

«Я собачка, – заявил Тоби с насмешкой в холодных глазах, направляя золотистую струю на Роуэна. – Я писаю на столбик».

– А у тебя все нормально? – спросила Клара.

– Да, все путем.

Теперь они идут мимо закусочной Миллера с неопрятной вывеской (смеющаяся над иронией судьбы рыбина, которая поедает картошку). Автобусная остановка как раз напротив. Тоби уже стоит там и болтает

с Евой. А Ева, между прочим, улыбается в ответ, и Роуэн, сам того не осознавая, начинает свирепо чесать руку, отчего его сыпь разгорается в десять раз сильнее. Он слышит смех Евы, солнце беспощадно отражается от крыш, и звуки жают его так же сильно, как и свет.

Ирландский сеттер

Питер идет по дорожке в сторону мостовой с мешком пустых бутылок и банок, когда видит Лорну Фелт, которая направляется к своему дому, № 19.

– Привет, Лорна, – говорит он. – Вы же сегодня придете?

– Ой, да, – отвечает Лорна, будто только что вспомнила о встрече. – Ужин. Нет, мы не забыли. Я принесу тайский салатик.

Лорна Фелт кажется Питеру не человеком, а ходячим набором идей. Он все время засматривается на ее сияющие рыжие волосы, ухоженную кожу, псевдобогемные одежды, и ему на ум приходит некий собирательный символ жизни. Мысль о восхищении. О соблазне.

Мысль о виновности. Об ужасе.

Она игриво улыбается. Ему видится намек на излишества.

– Мускатик, перестань. Ты чего?

Он только сейчас замечает, что с ней собака, ирландский сеттер, который, видимо, уже давно на него рычит. Собака беспомощно тянет поводок, пытаясь вырваться из ошейника.

– Сколько раз тебе говорить: Питер – совершенно приличный человек.

Совершенно приличный человек.

Он рассматривает зубы собаки, острые и доисторически дикие, и ему становится не по себе. Голова слегка кружится – либо от поднимающегося все выше солнца, либо от запаха, который доносит до него ветерок.

Что-то сладкое, едва уловимое, как бузинная нотка ее парфюма. Нечто едва подвластное его притупленным чувствам.

Но этот запах здесь, вот он, такой реальный.

Восхитительный запах ее крови.

Он как можно ближе придвигается к живой изгороди, стараясь полностью поместиться в тени. Он изо всех сил гонит от себя мысли о

грядущем дне и о том, как бы пережить эту пятницу, практически не отличимую от примерно тысячи таких же предыдущих пятниц.

Пятницы больше не приносят приятного предвкушения, с тех пор, как они уехали из Лондона, отказавшись от старых привычек и жесткого, полнокровного отрыва по выходным.

Он застрял в рамках стереотипа, чуждого его натуре. Мужчина среднего возраста, представитель среднего класса с портфелем в руке, на которого в равной мере давят гравитация, мораль и все эти удручающие человеческие категории. У перекрестка с главной улицей к нему вдруг подъезжает один из его пожилых пациентов на электроколяске.

И его имя он должен помнить.

– Здравствуйте, доктор Рэдди, – с робкой улыбкой произносит старик. – Я к вам скоро наведаюсь.

Питер ведет себя так, словно он в курсе, и отходит в сторону, пропуская коляску:

– Да, конечно. Я вас жду.

Вранье. Снова гребаное вранье. Жалкие церемонные танцы человеческого бытия.

– Будьте здоровы.

– До свидания.

Уже на подходе к хирургическому отделению, возле самой ограды, перед ним на дорогу медленно выезжает мусоровоз. Он мигает левым поворотником, сворачивая на Садовую аллею.

Питер походя бросает взгляд на троих мужчин в кабине. Сидящий с краю, ближе к тротуару, внимательно смотрит ему в глаза. Питер, подстраиваясь под манеры местных, пытается улыбаться ему, но тот, несмотря на то, что они, кажется, незнакомы, в ответ одаривает его полным ненависти взглядом.

Через пару шагов Питер останавливается. Мусоровоз заезжает на Садовую аллею, и мужчина в кабине все так же продолжает смотреть на Питера, будто знает, кто он на самом деле. Питер встряхивает головой, как мокрый кот, и по узкой дорожке направляется к хирургии.

За стеклянной дверью его уже ждет Элейн, перебирая карточки пациентов. Он толкает дверь, заодно придавая импульс еще одной бессмысленной пятнице.

День видит смерть и агонию

Усталость накатывает на Роуэна нарколептическими волнами, и прямо сейчас одна из них накрывает его с головой. Прошлой ночью он спал не больше двух часов. Впрочем, как всегда. Лучше бы он сейчас был так же бодр, как в три часа пополудни. Его веки становятся все тяжелее, и ему уже почти снится, что он сидит на месте своей сестры и беседует с Евой легко и беззаботно, как нормальный человек.

Из-за спины раздается шепот:

– Доброе утро, тормоз.

Роуэн не отвечает. Поспать не получится. И вообще, сейчас спать попросту опасно. Он трет глаза и достает томик Байрона, пытаюсь сконцентрироваться на строчках. Хотя бы на одной.

День видит смерть и агонию [1].

Он перечитывает фразу снова и снова, чтобы отстраниться от всего остального. Но тут автобус останавливается и входит Харпер – второй страшнейший мучитель Роуэна. На самом деле он Стюарт, Харпер – это фамилия, но имя отвалилось еще в десятом классе, где-то на поле для регби.

День видит смерть и агонию.

Харпер протискивает свою гигантскую тушу через проход, и Роуэн слышит, как он садится с Тоби. Спустя какое-то время Роуэн чувствует, как что-то стучит по его голове. Еще пара ударов – и до него доходит, что это ракетка Тоби.

– Слышь, тормоз. Сыпь не прошла?

– Тормоз! – ржет Харпер.

К облегчению Роуэна, Клара и Ева не оборачиваются.

Тоби дышит Роуэну в затылок.

– Что читаешь, урод? Ты, снегирь красногрудый... *Что читаешь*, спрашиваю.

Роуэн чуть поворачивает голову.

– Меня зовут Роуэн, – произносит он, но недоговаривает.

«Меня зовут» произносится хриплым шепотом, и голос подводит в самый неподходящий момент.

– Ты ж мой цветочек! – говорит Харпер.

Роуэн пытается сосредоточиться на той же строчке.

Тоби не отстаёт:

– Что ты читаешь? Снегирек, я задал тебе вопрос. Что читаешь?

Роуэн покорно поднимает книгу, и Тоби мгновенно выхватывает ее из рук:

– Гейское.

Роуэн оборачивается:

– Отдай. Пожалуйста. Можно... просто вернуть мне книжку?

Тоби толкает Харпера:

– Окно.

Харпер почти колеблется и даже смущается, но все же встает и открывает узкое окошко.

– Давай, Харпер, смелее.

Роуэн не успевает заметить, как книга переходит из рук в руки, видит только, как она подстреленной птицей падает на дорогу. Чайльд-Гарольд, Манфред и Дон Жуан – все исчезают в мгновение ока.

Он бы и пошел на конфликт, но не дают слабость и усталость. К тому же Ева пока не заметила, как его унизили, и он не хотел бы обращать на это ее внимание.

– О, мой маленький снегирь, мне так жаль, но, кажется, твой сборничек гейских стишков немного пострадал! – манерно пищит Тоби.

Окружающие трусливо смеются. Клара с любопытством оборачивается. И Ева тоже. Они заметили, что остальные веселятся, но причина им неизвестна.

Роуэн закрывает глаза. Вот бы оказаться сейчас в 1812 году, в темной одинокой карете, запряженной лошадьми, а рядом чтобы сидела Ева в чепце.

Не смотри на меня, Ева, пожалуйста, не смотри на меня.

Он открывает глаза и видит, что его желание исполнено. Точнее, его половина: он все еще в двадцать первом веке, но Ева продолжает болтать с его сестрой, как будто ничего не происходит. Клара крепко держится за поручень сиденья перед собой. Ей явно нехорошо, и он надеется, что ее не стошнит прямо в автобусе, потому что, как бы ни изводили его Тоби и Харпер, ему невыносима мысль, что они могут переключиться на Клару. И тут они, словно уловив его страх, начинают обсуждать девушек.

– Ева сегодня моя, Харпс, зуб даю. Вот посмотришь, я ее укутаю.

– Да ну?

– Не бойся, и тебе перепадет. Сестренка говноеда на тебя запала. Смотри, аж задыхается.

– Чего?

– Не тупи.

– Клара?

– Да ей загореть, очки снять, и будет цаца.

Роуэн чувствует, как Тоби наклоняется к нему и шепчет прямо в ухо:

– У нас тут вопросик. Харпер интересуется твоей сестрой. Какая у нее ставка за ночь, напомни? Десяточка? Меньше?

Внутри Роуэна вскипает ярость.

Он хочет ответить, но не может. Он закрывает глаза и вдруг на него накатывает шокирующее видение. Тоби и Харпер все так же сидят на своих местах, но они оба красные, без кожи, как на рисунках в анатомическом атласе, демонстрирующих строение мышц, и только волосы торчат клоками на своих местах. Роуэн моргает, видение исчезает. И он ничего не делает, чтобы защитить сестру. Просто сидит, сглатывая отвращение к самому себе, и гадает, как на его месте поступил бы лорд Байрон.

Фотография

Это всего лишь фотография.

Застывший момент прошлого.

Предмет, который она может держать в руке, нечто из доцифровой эпохи, артефакт, который она так и не решится отсканировать на свой «Мак». На обороте карандашом написано «Париж, 1992». Будто бы это нужно было записывать. Лучше бы этого снимка не существовало вообще, лучше бы они не просили того беднягу-незнакомца их сфотографировать. Но фото существует, и она не может ни разорвать его, ни сжечь, ни даже перестать смотреть на него, как бы ни старалась.

Потому что на фото – он.

Тот, кто ее обратил.

Незабываемая ночь и его улыбка, перед которой невозможно устоять. Рядом она – с легкой усмешкой, неузнаваемо счастливая,

беспечная, стоит на Монмартре в мини-юбке, с кроваво-красной помадой на губах и опасным блеском во взгляде.

– Дура ты безумная, – говорит она той, прошлой себе, а сама думает: *я могла бы и сейчас так же хорошо выглядеть, если бы захотела, – или почти так же. И могла бы быть такой же счастливой.*

Хоть фото и выцвело от времени и тепла своего тайника, оно до сих пор кажется зловещим в своей безмятежности.

Соберись.

Она прячет снимок обратно в сушильный шкаф. Рука касается теплого нагревателя, но она не отдергивает ее. Горячо – но ей хочется, чтобы было еще горячее. Пусть будет ожог, пусть будет боль, с помощью которой можно забыть этот восхитительный, давно утраченный вкус.

Она берет себя в руки и спускается вниз.

Стоя у окна, она смотрит через деревянную раму, как мусорщик идет по их дорожке, чтобы забрать мусорные пакеты. Но он этого не делает. По крайней мере, не спешит. Сперва он поднимает крышку мусорного бака, вытаскивает один из мешков с мусором, развязывает его и изучает содержимое.

Его напарник что-то говорит, тот захлопывает крышку бака и катит его к мусоровозу.

Бак поднимается, наклоняется, опустошается.

Мусорщик смотрит на дом. Он замечает ее, но даже не моргает. Просто смотрит в глаза.

Хелен отходит от окна и с облегчением выдыхает, когда мусоровоз, пыхтя, двигается дальше по улице.

Фауст

Урок немецкого проходит в огромном старом кабинете с высоким потолком, с которого свисают восемь ламп дневного света. Две из них моргают, не включаясь и не выключаясь полностью, от чего голове Роузны ничуть не легче.

Он сидит, вжавшись в стул на самой галерке, и слушает, как миссис Зибен с выражением читает отрывки из «Фауста» Гёте.

– *Welch Schauspiel!* – восклицает она, сложив пальцы, словно восхищаясь вкусом собственноручно приготовленного блюда. – *Aber ach! ein Schauspiel nur!*

Она поднимает взгляд от книги и всматривается в совершенно бездумные семнадцатилетние лица.

– *Schauspiel?* Перевод?

Зрелище. Роуэн знает это слово, но не поднимает руку, потому что ему никогда не хватает смелости говорить перед всем классом, особенно если среди зрителей есть Ева Коупленд.

– Версии? Мнения?

Когда миссис Зибен задает вопрос, она смешно поводит носом, будто мышь почуявшая сыр. Сегодня, похоже, она останется голодной.

– Разложите существительное на части. *Schau spiel.* Смотреть игру. Речь идет о представлении, о зрелище. О том, что показывают на сцене. Гёте критикует лживость мира. «О, этот вид! Но только вид – увы!» [2] Гёте вообще любил ахать и охать, – с улыбкой добавляет она. – Он был такой себе Мистер Увы, – она зловеще осматривает класс и, к досаде Роуэна, встречается с ним взглядом. – А теперь давайте обратимся к нашему собственному Мистеру Увы. Роуэн, будь любезен, прочти, пожалуйста, строфу на следующей странице, точнее, на двадцать шестой, которая начинается со слов... так, посмотрим... – она улыбается, заметив что-то в тексте. – ...со слов «*Zwei Seelen wohnen, ach! In meiner Brust*». Две души живут – обитают, если вам угодно, – *ax! Две души живут в груди моей...* Продолжайте, герр Ах. Чего вы ждете?

Роуэн видит, как все оборачиваются к нему. Одноклассники дружно выворачивают шеи, чтобы насладиться зрелищем подростка, остолбеневшего от перспективы публичного чтения вслух. Только Ева уткнулась в книгу, словно отстраняясь от неловкой ситуации. Она уже видела, как это бывает: когда на прошлой неделе на уроке литературы Роуэн читал монолог Отелло («П-покажи глаза, – мямлил он, склонившись над учебником. – С-смотри в ли-лицо мне...» [3]).

– *Zwei Seelen,* – произносит он и слышит чье-то сдавленное хихиканье.

Внезапно его голос начинает жить своей собственной жизнью и впервые за день он по-настоящему просыпается, но не в хорошем смысле. Он бодрствует с настороженностью укротителя львов или

застрявшего на скале альпиниста и понимает, что балансирует на грани катастрофы.

– *Ich bin der Geist, der st-stets verneint*, – читает он. – *Я отрицаю все, и в этом суть моя.*

Несмотря на нервозность, он ощущает странную связь с текстом, будто слова принадлежат не Иоганну Вольфгангу Гёте, а ему, Роуэну Рэдли.

Я – зуд, который никогда не утихает.

Я – жажда, которую ничто не утоляет.

Я – мальчик, ничего не получивший.

Почему он такой? Что отрицает *он сам*? Откуда ему набраться сил, чтобы не бояться собственного голоса?

Ева перекатывает пальцами ручку и смотрит на нее так, будто она сама – прорицательница, а пишущий предмет вот-вот предскажет ей будущее. Роуэн чувствует, что ей неловко за него, и эта мысль просто уничтожает его. Он поднимает глаза на миссис Зибен, но ее приподнятые брови велят ему продолжать. Пытка еще не закончена.

– *Entbehren sollst du!* – читает он без малейшего намека на наличие восклицательного знака. – *Entbehren sollst du!*

Миссис Зибен останавливает его:

– Давай, произнеси это с чувством. В этих словах страсть! Ты ведь понимаешь их смысл, не так ли, Роуэн? Читай же. Смелее, громче.

Все снова смотрят на него. И даже Ева оборачивается на секунду или две. Они наслаждаются этим так же, как толпа фанатеет от боев быков или жестоких состязаний. Он сейчас – окровавленный бык, чьей агонией они желают насладиться в полной мере.

– *Entbehren sollst du!* – повторяет он уже громче, но все равно этого недостаточно.

– *Entbehren sollst du!* – подхватывает миссис Зибен. – *Умерен будь!* Это сильные слова, Роуэн. И им нужен сильный голос, – она тепло улыбается.

Что это она затеяла, думает Роуэн. Тренировку характера?

– *Entbehren sollst du!*

– Еще. С чувством, давай же!

– *Entbehren sollst du!*

– Громче!

Его сердце пускается в галоп. Придется выкрикнуть эту фразу, чтобы миссис Зибен от него наконец отстала.

Entbehren sollst du! Sollst entbehren!

Das ist der ewige Gesang.

Он делает глубокий вдох, закрывает глаза, из которых вот-вот выкатятся слезы, и слышит собственный голос – громкий, как никогда.

– Умерен будь! Лишь будь умерен! Вот песня вечная у нас.

И тут он понимает, что выпалил это на родном языке. Сдавленные смешки перерастают в гогот, одноклассники в истерике валяются на партах.

– А что смешного? – строго спрашивает Ева у Лорелеи Эндрюс.

– Почему эти Рэдли такие *стремные*?

– Ничего он не стремный.

– Ну, конечно же, нет. На планете уродов он бы ничем не выделялся из толпы. Но мы-то на планете Земля.

Роуэну становится еще хуже. Он смотрит на карамельный загар Лорелеи, ее злобные оленьи глазки и воображает, как она самовоспламеняется.

– Отличный перевод, Роуэн, – говорит миссис Зибен, перебивая смех класса. На ее лице добрая улыбка. – Я впечатлена. Даже не ожидала, что ты так хорошо переводишь.

Я тоже, думает Роуэн. А потом замечает движущуюся фигуру за стеклянной дверью класса. Кто-то выбегает из соседнего кабинета в коридор. Это Клара, она несетя в туалет, зажав рукой рот.

За ширмой

Четырнадцатый за день пациент Питера снимает за ширмой брюки и трусы. Питер, стараясь не думать о том, что именно ему сейчас предстоит сделать исходя из своих обязанностей, натягивает латексную перчатку. Он сидит и прикидывает, чем бы таким напугать Клару, чтобы та снова стала есть мясо.

Нервный срыв?

Анемия?

На самом деле проблем, которые вызывают дефицит железа и витаминов группы В, довольно много. Но теперь добавился риск, которого удавалось избегать, пока дети были маленькими, – услышать

второе мнение от кого-то вроде школьной медсестры, которой Роуэн додумался показать свою сыпь, а она возьми и засомневайся, что это фотодерматит. *Оно до сих пор того стоит? Всей этой бесконечной лжи? Самое гнилое – что его дети думают, будто ему все до фени, а на самом деле ему просто не позволено проявлять заботу так, как ему хотелось бы.*

– На хрен, – произносит он одними губами. – На хрен все это.

Разумеется, врачебный стаж Питера позволяет ему понимать, что самовнушение – само по себе хорошее лекарство. Он много чего читал об эффекте плацебо и фокусах убеждения. И об исследованиях, которые показывают, что зеленые таблетки оксазепамы лучше помогают при тревожности, а желтые – при депрессии.

Так что иногда он оправдывает свою ложь теми же средствами. Перекрашивает правду, как таблетку.

Но чем дальше, тем сложнее это дается.

Он сидит и ждет, пока старик разденется, и привычно смотрит на приклеенный к стене плакат.

Огромная капля крови в форме слезы.

Сверху надпись жирным шрифтом:

СТАНЬ ГЕРОЕМ ПРЯМО СЕГОДНЯ. СДАЙ КРОВЬ.

Тикают часы.

Из-за ширмы доносится шуршание одежды, старик смущенно покашливает:

– Я тут... я... можете...

Питер заходит за ширму, делает то, что должен.

– Не вижу ничего криминального, мистер Бамбер. Я назначу вам мазь.

Старик натягивает трусы и брюки и, кажется, вот-вот расплачется. Питер снимает перчатку, аккуратно кладет ее в мусорный контейнер, специально поставленный в кабинете. Крышка хлопает.

– Хорошо, – говорит мистер Бамбер. – Ну и хорошо.

Питер рассматривает лицо старика. Пигментные пятна, морщины, всклокоченные волосы, мутноватые глаза. На секунду Питера захлестывает такое омерзение к собственному будущему, что слова застревают в горле.

Он отворачивается и рассматривает другой плакат. Его, видимо, повесила Элейн. На плакате – комар и предупреждение об опасности

малярии.

ДОСТАТОЧНО ОДНОГО УКУСА.

Ему хочется рыдать.

Что-то злое

Ладони Клары липкие от пота.

Ей кажется, что внутри поселилось что-то ужасное. Какая-то отравка, которую необходимо исторгнуть из тела. В ней что-то живет. Что-то злое одолевает ее.

В туалет входят другие девушки, дергают дверь ее кабинки. Клара замирает, пытается дышать, преодолевая тошноту, но стремительные рвотные позывы удержать невозможно.

Что со мной?

Ее снова тошнит, и она слышит голоса за дверью.

– Ну все, мисс Булимия, твой обед уже, наверное, весь вышел, – пауза. Потом продолжение: – Фу, какая вонища.

Она узнает голос Лорелеи Эндрюс.

В дверь кабинки тихонько стучат. Потом снова слышится голос Лорелеи, уже спокойнее:

– Эй, у тебя там все в порядке?

Клара молчит, потом отвечает:

– Да.

– *Клара? Это ты?*

Клара молчит. Лорелея и кто-то еще с ней хихикают.

Клара ждет, когда они уйдут, потом смывает рвоту. В коридоре у кафельной стены стоит Роуэн. Она рада его видеть. На самом деле он единственный, кого она могла бы сейчас вытерпеть.

– Я видел, как ты бежала. Все в порядке?

Ровно в этот момент мимо идет Тоби Фелт. Он тычет Роуэну ракеткой в спину:

– Я знаю, что тебе никто не дает, тормоз, но она твоя *сестра!* Так же *нельзя!*

Роуэну нечего сказать – во всяком случае, ничего такого, что он рискнул бы произнести вслух.

– Какой же идиот, – бормочет Клара. – Не представляю, что Ева в нем нашла.

Клара видит, как расстраивается брат, и начинает жалеть, что вообще открыла рот.

– Ты вроде говорила, что он ей не нравится, – замечает он.

– Я так думала. Мне казалось, что у нее адекватно функционирующий мозг и она не станет ему симпатизировать. Но, похоже, я ошиблась.

Роуэн пытается изобразить равнодушие.

– Да мне, в общем, плевать. Мало ли кто ей нравится. В этом и фишка демократии.

Звенит звонок.

– Тебе лучше ее забыть, – советует Клара. – Хочешь – я вообще перестану с ней дружить.

Роуэн вздыхает:

– Глупости. Мне же не семь лет. Я думал, что она вроде как ничего, но не более того. Фигня.

Откуда ни возьмись появляется Ева.

– Что «вроде как ничего»?

– Ничего, – отвечает Клара, зная, что ее брату не хватит нервов на беседу.

– «Ничего» значит «ничего». Какой глубокомысленный нигилизм.

– А у нас вообще семья нигилистов, – говорит Клара.

Логично, что если вы воздерживаетесь от чего-либо всю жизнь, то не знаете, от чего именно отказываетесь и что теряете. Но жажда все равно живет в вас, глубоко внутри, и она определяет сущее.

«Книга Трезвенника» (издание второе), с. 120

Тайский зеленый салат с маринованной курицей и соусом из чили и лайма

– Красивые бусы, – выжимает из себя Питер, пытаясь скрыть неловкость, потому что слишком долго разглядывал шею Лорны.

К счастью, Лорна всего лишь благодарно улыбается, трогая простые белые бусины.

– Это мне Марк давным-давно подарил. Купил на рынке в Сент-Люсии. Мы там провели медовый месяц.

Марк реагирует удивленно – как будто вообще только сейчас заметил, что на его жене надето какое-то украшение.

– Я купил? Не припоминаю.

Лора расстраивается.

– Да, – мрачно отвечает она. – Ты купил.

Питер пытается на что-нибудь отвлечься. Он смотрит, как его жена снимает пищевую пленку с салатницы Лорны, потом – как Марк потягивает совиный из бокала с таким придирчивым видом, что можно подумать, будто он вырос на винодельнях в долине Луары.

– А Тоби тоже на вечеринке? – спрашивает Хелен. – Клара вот поехала, хотя не очень хорошо себя чувствует.

Питер припоминает, что Клара подходила к нему час назад, когда он проверял почту. Она спросила, можно ли уйти, он рассеянно согласился, а потом Хелен недовольно на него зыркнула, когда он ушел вниз, оставив ее на кухне готовить жаркое. Может, она нарочно его поддевает. А может, она и права – ему не стоило разрешать дочери уходить. Но он – не Хелен. Он порой тупит.

– Понятия не имею, – отозвался Марк. – Уехал?

Лорна кивает, будто ей неловко обсуждать пасынка:

– Вроде бы да. Он не так чтобы отчитывается о своих перемещениях, – она указывает на салат, который Хелен уже поставила на стол. – Так вот. Это зеленый тайский салат с маринованной курицей и заправкой из чили и лайма.

Питер выслушивает это совершенно спокойно. И потом видит, как Хелен уже набрала полный рот еды и спокойно жует, так что никаких проблем быть не должно.

Он подцепляет на вилку кусок курицы с кресс-салатом и кладет в рот. И тут же начинает давиться.

– О боже, – говорит он.

Хелен не успела его предупредить. Она кое-как проглотила салат и теперь старательно гоняет во рту белое вино, чтобы смыть с языка его вкус.

Лорна в панике:

– Что не так? Что? Очень острый?

Он не распознал запах. Видимо, чили и остальные ингредиенты его забили, но теперь едкий и гнилой вкус так впивается в его язык, что он